

Алексей Владимирович Баталов — известный советский актер и режиссёр, член движения «Наш дом — Россия».

Елена Константинова

— Алексей Владимирович, что вас поддерживает в наши дни?

— Бесконечный интерес к чему бы то ни было. Ведь время-то, что ни говори, все равно замечательное! Человечество стоит на пороге величайших открытий, каких не было тысячелетие или около того. Никогда еще вера, духовность, не имела такого даже научного обоснования чудес и открытий, как сейчас, многое из того, что было под замком не только, само собой, при коммунистах, но и до них, стало открытием. А уж о человеческой истории и говорить нечего...

Безусловно, век коммуникаций чреват многими соблазнами, искушениями. Довести до абсурда можно все, что угодно. То же телевидение, без которого сегодняшняя жизнь немислима, целый мир хлебает из этой чашки все, что оно ему преподносит, — во что превратилось? Snikers, Twix, Uncle Ben's...

— И в жизни, и в кино вы играли всегда первые роли, не так ли?

— Никогда! За исключением «Дамы с собачкой» и «Девяти дней одного года», вечно вторые. «Большая семья» — Алексей Журбин, самый младшенький, третья роль. «Летят журавли» — Борис Бороздин, из полутора часов на экране восемнадцать минут. «Москва слезам не верит» — Георгий Иванович, роль на кончике всей картины и т. д.

Однако ни величина, ни длина той или иной роли для меня значения не имеют, 500—600 серий мне задаром не нужны, сниматься в них — бредовое занятие, только с горя или от безделья буду участвовать в подобной «говориловке».

— Что заставило вас в свое время покинуть МХАТ, через пять лет после того, как в 1953 году вы туда пришли?

— Актерская судьба так решила. Именно актерская. Личную-то я всю переломал, из дома уехал... Но всему, что имею, — знаниям, представлениям, ощущениям, даже образованию обязан именно дому, близким... Значительные роли Господь вдруг предоставил мне в кино, и за это я вечно благодарен Иосифу Ефимовичу Хейфицу, он мой папа Карло.

Разумеется, в театре играл бы что-то, но путь восхождения был бы очень медленным, и, Бог знает, к чему бы я пришел. Актеру рано или поздно стоит проверить себя и в другой ипостаси. То есть, конечно, можно всю жизнь играть, стоя сбоку, и держаться за кулисы. Ничего дурного в этом нет — просто любишь театр, делаешь свое маленькое дело. Но коли пытаешься выяснить, что, в сущности, собой представляешь, необходимы иные действия. Бревно, коли есть силы, надо, подняв, нести одному.

— Вам приходилось страдать от критики?

— Нет ни одного фильма в моей жизни, за который бы меня сразу не обругали. Почему? Ну им же надо как-то зарабатывать на жизнь, они обязаны иметь свое суждение... Тем не менее, как в магазине всегда прав покупатель, так в театре — зритель. Это объяснили мне еще во дворе Московского Художественного театра, когда мне было четыре года. Так что я надежно усвоил: прав тот, кто сидит в зале, а не тот, кто рассуждает, находясь около него, или даже выходит на сцену. А за кулисами свой счет...

— Критики еще недавно называли вас последователем соцреализма.

— Марк Донской с его кондовым реализмом у итальянцев считается родоначальником нео-реализма... Все определения выдумывают умные служители власти. Одни из тех сторонних наблюдателей частью умерли, другие пишут сегодня уже по-другому. Очевидно, занимаю какое-то определенное место в кино. Но ни в коей мере не считаю себя обманутым и не завидую тем, кто захватил еще три соседние дыр-

ки. Я пережил и «новое», и «интеллектуальное», и «экспрессивное», и т. п. кино. И как бы они не обзывали тот или иной стиль, я-то остался одним и тем же.

— Алексей Владимирович, почему именно «Шинель» привела вас в режиссуру в 1960 году и с чем связано нынешнее желание переснять собственный фильм?

— Решение остановиться на «Шинели» предопределила преж-

шла в Нью-Йорке, что одновременно и радовало, и сулило неприятности: американцы считались тогда главными врагами.

И все же «Шинель» сделать так, как задумал, не удалось, хотя я нигде не покривил душой. Киношное руководство смотрело на эту работу как на занятие второсортное, денег отпустило в обрез. В общем, многое в картине могло быть гораздо выразительнее, ки-

мимое особое значение и смысл и отличает «Шинель» из всей русской литературы. В этой повести ясно и твердо сказано: как христианин, вы должны в каждом видеть человека, любить любого человека, в каких бы «низах» он ни обретался, и любой человек, а не только тот, кто «пондравился», достоин счастья и внимания. Современники очень редко угадывают, что же на самом деле

мимо каких еще великих!.. Однако, к счастью, от громкости и бесстыльства современных критиков, позволяющих себе безапелляционно судить обо всем, исходя из своего опыта, и сбивающих с толку и самих себя, и может быть, ту горстку, которая их читает, ничуть не зависят ценности искусства — они имеют ценность сами по себе и обретают вечность независимо от современников.

Алексей Баталов: Меняется все, кроме людей. Иначе незачем было бы читать классику

Сегодня - 1995. - 18 мая - а 5

«Я ведь никогда не был членом партии. Любопытно, партийный билет — единственный на Земле со времен Рима документ, который имеет двойную силу. Получив его, человек мог стать и молодым, и начальником на всю жизнь. А потом, разорвав, он же оказывается и молодым, и начальником, и передовым снова»

нематографически эмоциональнее. Остались на бумаге целые эпизоды. Очень жаль. Понимаю, что это безумие, но мне иногда хочется как бы доработать, доделать то, что было задумано, до конца. Но сегодня этот замысел абсолютно нереален. Под новые картины с убийствами, переводами, проститутками нелегко найти денег. Что же говорить о реставрации или, вернее, восстановлении старой ленты?! Если только вдруг откопаю клад...

Мне кажется, за этой историей стоит нечто гораздо более важное, вечное, драгоценное, что

значительного, значимого останется от их века. Это вовсе не русская забывчивость, как полагают, а свойство всего человечества во все времена. Ведь современники со всей фанатерией, знаниями, наглостью не угадали Баха. Современники не поддержали Бетховена... Где же они были, выдающиеся умы, со всем их вкусом, вместе взятым? Никто не сообразил, кто такой Эдгар По. Как же так? Почему нищим умер нынешний классик американской литературы, автор «Моби Дика» Мелвилл? Промахнулись мимо Кандинского! Боже мой,

— Если писатели, которым не давали возможности печататься, уложили в переводы, то вы нашли «крышу» на радио, благодаря чему появились ваши инсценировки Лермонтова, Толстого, Достоевского, Бунина, Куприна.

— Да, в те годы радио меня выручило, предоставив право делать, что хочу, и каким-то образом все-таки стоять в стороне от того, что было уж совсем омерзительно. Осознавал, что крут радиослушателей довольно узок, не сравним ни с кино, ни с телевидением. Но работал — и как автор, и как режиссер, и как актер — с удовольствием. Соприкосновение с желанным и любимым материалом влияет на настрой души. Не говоря об очевидном его воздействии: ведь если человек имеет дело, допустим, с железом — у него одни руки, с шелком — другие, но из этого вовсе не следует, что те — лучше, а эти — хуже.

Меня окружали чудесные, обожаемые мной актеры. Мы ставили спектакли по-настоящему

му, «как в театре». И им это нравилось, иначе чем объяснить их каждодневные мучения, которые не оплатить никакими деньгами? Скажем, «Герой нашего времени» — это год и три месяца репетиций, записей, повторов, переделок, доделок.

— Цензура не вмешивалась? — Она отказывалась принимать сценарий до тех пор, пока не скорректирую его согласно ее разумению. Но я ей не уступал. Вот и лежали все сценарии подолгу.

— И фамилия ваша не помогала?

— Никакого значения для идеологического отдела партии моя фамилия не имела. Тем более что сопряжена с чудовищными «врагами народа» по 58-й статье — все мои — и бабушка, и девушки — сидели...

Я ведь никогда не был членом партии. Любопытно, партийный билет — единственный на Земле со времен Рима документ, который имеет двойную силу. Получив его, человек мог стать и молодым, и начальником на всю жизнь. А потом, разорвав, он же оказывается и молодым, и начальником, и передовым снова.

— Как вам удалось оградить себя от коммунизма?

— О, это была неприятная история. Все было совсем не просто, да иначе и быть не могло. Ведь все звания и награды, которые только могут присниться, у меня есть, а это очень неприятно тому большинству, которое ради одной медали с готовностью поступилось бы всем. Однако мои переживания, по сравнению с настоящими страданиями и преследованиями тех, кто их пережил, ничто. Поэтому говорить на эту тему не хочу.

— А в окружении коллег чувствуете себя комфортно?

— Наверное, кого-то раздражаю... Сейчас у меня, к сожалению, мало возможностей для общения — нет ни сил, ни времени.

— А со своими студентами во ВГИКе, где вы руководите кафедрой актерского мастерства, легко ли вы находите общий язык?

— Кажется, да. Хотя, думаю, они все-таки считают меня старомодным идиотом...

Вновь вернусь к «Шинели» — все, что вершится там, в XIX веке, с поразительной точностью относится к тому, что происходит в эти дни. Жаль тех, кто думает, что, став богатым, он тем самым имеет счастье навечно запечатлеться в истории.

А что касается творчества, то талантливые, великие рождаются независимо от эпох, правителей, благополучия, сытости, достатка, что легко доказуемо. Если подобная связь действительно существует, то почему не в Швеции, где с закуской и демократией все решено, а здесь родились и работали Фаина Григорьевна Раневская, Анна Ахматова, Михаил Булгаков, Михаил Зощенко, Дмитрий Шостакович и т. д. Почему в совершенно неподходящее время родился Леонардо да Винчи? Почему Петрарка был диссидентом? Почему «Дон Кихот» начат в неволе, между прочим, так же, как и «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, — разве это подходящее место для писательства или, быть может, выигрышное время для возникновения таланта?.. Свобода безусловно необходима. Но и тогда, когда ее нет, наперекор всему Мандельштам пишет стихи.

Прошу заметить, есть признанные гении и среди нас. Отрицать, что сию минуту нет нового Модильяни и Моцарта, — глупость, недомыслие. Повторяю, меняется все, кроме людей. Это очевидно. Два шага назад — то же самое ждет и нас. Иначе незачем было бы читать классику.

Учителя